

Молоко – «распаковать»... «упаковать»

Россия ищет пути выхода из той сложной ситуации, в которой оказались ее экономика и финансовая сфера, «привыкшие» к высоким ценам на сырье. Есть очень много измерений кризиса – от спада темпов экономического роста до динамики доходов и расходов населения.

Одной из причин радикальных экономических преобразований, думается, стали не столько макроэкономические проблемы развития страны, сколько хроническая усталость населения от нарастающего дефицита всего и вся (от продуктов питания и до вещей и товаров, формирующих современные представления о хоть как-то устроенной жизни – создания тех возможностей, которые необходимы для воспитания и развития подрастающего поколения). Но даже в эти «усталые» и «штормовые» годы потребление столь значимых продуктов питания, как молоко, находилось на недостижимой ныне высоте (см. статью С. Ю. Барсуковой).

Сводки и данные мониторинга социально-экономического положения в стране становятся все тревожнее. Например, в Новосибирской области расходы населения на продукты питания вновь перевалили за 50%-й рубеж (одна из нелишенных сарказма классификаций стран мира делит их на три категории: в первой – население большие «средства тратит на борьбу с лишним весом»; во второй – население «живет, чтобы есть»; в третьей – «не знает, когда в следующий раз поест досыта»).

Вполне естественно предположить, что в такой ситуации, а также в условиях экономических санкций, растёт доля отечественного продовольствия и при этом происходит перемещение от более дорогих продуктов питания (рыба и мясо), – к хлебу, картофелю и овощам, а также молоку и молочным продуктам.

Увы, здравый смысл нас подведет при следовании подобным выводам, основанным на общих представлениях о бюджетной и хоть как-то сбалансированной корзине питания. Доля овощей в корзине почти не видна, а молоко и молочные продукты становятся доступны лишь людям с более высокими доходами. При этом «топтание» на месте с обеспеченностью молоком и молочными продуктами поддерживается отнюдь не новизной применяемых подходов и стремительным развитием предложения со стороны отечественных производителей, а в значительной мере за счет роста контрафактной низкокачественной продукции (статья Э. Ш. Веселовой).

Молоко стало «лакмусовой бумажкой» результатов реформирования аграрного сектора России за последние 30 лет. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. основное направление преобразований выделось в развитии многоукладных форм хозяйствования на селе – сочетании индустриальных с разнообразными формами

кооперирования сельхозпроизводителей, а также активной ролью личного подсобного хозяйства в решении проблем продовольственного обеспечения населения страны.

Увы, «... вместо неэффективного государственного сектора экономики после реформирования ... получили неэффективный частный сектор... В результате проведенных преобразований резко увеличилось как число убыточных хозяйств, так и их удельный вес... парадокс проводимых реформ заключается в том, что они не только не содействуют формированию рыночного сознания и поведения работников в сфере экономики, но практически разрушают трудовую мотивацию»¹.

Процесс «реформирования» аграрного сектора, пущенный «на самотек», привел к замене всеобщих советских колхозов и совхозов сверхвсесилием агрохолдингов (два из которых контролируют почти 50% рынка молока и молочной продукции России).

Весь аграрный сектор (употребляя современную терминологию) оказался «упакованным» так основательно и так жестко, что в нем не нашлось места... ни фермерам, ни кооперативам с их участием.

В то же время те немногие аграрные товарищества, которым удалось «выстоять», отнюдь не стали иждивенцами государства (в отличие от агрохолдингов). Специалистами сибирской экономико-социологической школы на огромном фактическом материале доказано, что «сельскохозяйственные производственные кооперативы совершили шаг в рыночные условия так же успешно, как и предприятия других правовых форм»².

Среди основных причин пренебрежения национальными традициями и историческим опытом ведения сельскохозяйственного производства – нежелание новой генерации административно-управленческого аппарата (почти на всех уровнях) вникать в детали и особенности хозяйственной деятельности как в разных секторах экономики, так и в географических и климатических условиях огромной страны, а также примитивное понимание роли и места современной науки и современных знаний (применимых и на ферме, и в крупном агрохолдинге).

Опыт проведения Столыпинской аграрной реформы на рубеже XIX–XX веков – забыт и не был никак востребован (кроме, пожалуй, как с целью возвращения в «пантеон» исторических личностей России ее основного организатора).

Остался без внимания и факт грамотной и системной правительственной политики в рассматриваемой области в тот период, которая носила «отчетливо протекционистский характер по отношению к отечественным маслоделам» (статья А. А. Николаева).

Предметность и понимание особенностей аграрного сектора – основа успеха.

¹ Калугина З. И. Рыночная трансформация аграрного сектора России. Социологический дискурс. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. – 342 с. [С. 26, 27].

² Калугина З. И. Указ. соч. – С. 127.

«Что мы посеяли в 90-м, то продолжаем жать по сей день... У Столыпина... реформа пошла потому, что все было продумано по-хозяйски, все работало на большую идею. Крестьянин получал не только надел и лесоматериалы для установки дома, а также подсобных построек, но и денежный кредит с семенным фондом, сельхозинвентарь... Особую роль в реформе играл Крестьянский государственный банк. Он был для фермеров заботливым, как мать, и строгим, как отец: давал дешевые кредиты под залог участков и забирал землю в банковский фонд, если она пустовала, скупал ее у нерадивых, продавал в рассрочку работающим хозяевам. Жесткий контроль за расходованием денег по назначению позволял добиваться поставленных целей»³.

Изменение ситуации с молоком и молочными продуктами невозможно без развития и поощрения многоукладности в аграрном секторе. Для этого необходим не только такой же земельный банк, выстраивающий подход к работе с различными по форме собственности хозяйствами, но и поддержка производителей сельхозпродукции в продвижении на реальные рынки (а не в сети перекупщиков). Для того, чтобы двигаться в этом направлении, им необходим доступ к мощностям по первичной переработке, упаковке и доставке продукции на рынок.

Опыт сбытовой кооперации, например в Дании, говорит о том, что у кооперации огромные возможности. Подспорьем и важной составляющей движения в этом направлении могут служить и стартапы, такие как «Упаковка как бизнес» (см. интервью А.А. Гнилова и С.Л. Кальсина).

Развитие и реализация потенциала фермеров и кооперационных форм взаимодействия индивидуальных производителей молока и молочной продукции немислимы без применения современных знаний и технологий.

Однако прежде чем начать двигаться по этому пути, надо «распаковать» и сознание тех, кто отвечает за аграрную политику в органах власти самого различного уровня, а также забытые и невостребованные знания в области кооперации. Только после этого (а лучше – наряду с этим) можно и целесообразно перейти к более логичной и целесообразной конфигурации («упаковке») аграрного сектора, в котором достойное место занимают малые, гибкие и эффективные формы ведения хозяйства.

Кризис – время перемен и пересмотра приоритетов. Меры преодоления нарастающих проблем только по начертаниям сверху – не подлежат никакой «упаковке».

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.

³ Полторанин М. Н. Власть в тротиловом эквиваленте. – М.: Алгоритм, 2015. – 448 с. [С. 130].